

Известный композитор, лауреат премии Ленинского комсомола Таджикистана **Фируз Бахор** закончил недавно большую работу — балет, посвященный 1400-летию основоположника классической системы таджикско-персидской музыки **Борбада**. Это обстоятельство явилось поводом для встречи с **Ф. Бахором** кандидата искусствоведения **Ф. Ульмасова**, запись которой мы предлагаем читателям.

— **Фируз Ходжиевич**, почему вы в данном случае обратились именно к жанру балета и как раскрывается в нем тема **Борбада**?

— Если говорить о жанре, то он находится сейчас как бы на подъеме, во всяком случае, у нас в стране. Кроме того, в своем творчестве я имел опыт обращения к балету, чего не могу сказать об опере.

Многу по мотивам произведений **Амира Хусрава Дехлави** уже был написан одноакт-

баде, а о том, как возник жанр максима. Балет я посвятил 1400-летию **Борбада** потому, что он был одним из первых великих таджикских профессиональных музыкантов. Посвящение ему балета — знак почтения ко всем народным музыкантам, которые тысячелетия творят таджикскую музыку.

Сейчас, кстати, у меня возник новый замысел — написать балет только о жизни **Борбада**. У него удивительно драматичная судьба, велико-

кий уровень исполнительской культуры и поиск точного выхода на зрителя. Только тогда можно говорить о явлении музыкальной культуры.

— Каковы же перспективы вашего балета в том, что касается реализации всех этих слагаемых?

— Уже год я добиваюсь постановки «Макома любви» силами нашего театра им. **С. Айни** и натыкаюсь на бесконечные оправдания и даже нежелание слушать. Было обсуждение либретто. Но что такое балетное либретто и можно ли вообще обсуждать его без музыки, тем более когда уже готова партитура? Мне кажется, театр должен взять на себя какие-то обязательства по постановке новых балетов, в частности, по приглашению балетмейстеров,

чете на местное таджикоязычное население. Ведь балет основан на «Шашмакоме», который самаркандцы очень любят. Самарканд сохранил еще эту макомную традицию, чего нельзя, к сожалению, сказать о нашей республике. Ну, а в конце концов, чтобы балет увидели душанбинцы, можно пригласить узбекский театр на празднование юбилея **Борбада**.

— Разговор у нас получается явно шире балетных рамок. Поэтому, думается, вполне уместно спросить вас, как вы оцениваете состояние нашей музыкальной культуры?

— Что касается композиторского творчества, в среде профессионалов в стране мы «котируемся» довольно высоко. Это касается и молодых авторов. Но если говорить об общем состоянии наших музыкальных дел, материальной базе культуры, то, увы, мы самый богом забытый край. А ведь помнится время, когда у нас, например, были великолепный оперный театр, отличные певцы и оркестр.

Хочу обратить внимание еще на один момент. Я имею в виду перегибы в борьбе за национальную культуру. Так, некоторые ее представители почему-то отвергают симфоническую, оперную музыку как совершенно чуждую нашей культуре, привнесенную извне. Это в корне неправильно. Любое искусство, если оно настоящее, — всегда есть искусство, принадлежащее всем народам.

— Какие же у нас в столь печальной ситуации перспективы?

— Перспектив у нас никаких не будет до тех пор, пока мы сами радикально не изменим создавшееся положение. Оперный театр должен быть центром музыкальной культуры. Но сегодня он более эффективно служит местом проведения различных собраний, чем сугубо творческих мероприятий.

А симфонический оркестр? Вы посмотрите, в каком здании он работает, там нет даже такой «мелочи», как буфет, который, по идее, должен функционировать на каждом концерте. Если раньше, говоря о материальном обеспечении музыкальной культуры (да и культуры в целом), мы как-то еще оправдывались, что, мол, мы не самые последние, то теперь даже эту отговорку нельзя привести. Там, где было плохо, стало намного лучше. Не меняется только у нас в Таджикистане. Я убежден: в республике давно назрела острая необходимость принять научно обоснованную государственную программу развития музыкальной культуры. Принять и строго следить за ее выполнением.

— Ну, что ж, будем, как говорится, надеяться на лучшее. Спасибо за беседу.

Чтобы музыка зазвучала,

мало стараний одного композитора

ный балет «Прекрасная ДувоIRON», постановка которого осуществлена нашим театром. Свой новый балет «Маком любви», я первоначально задумывал также как одноактный, с той целью, чтобы он смог образовать совместно с первым своеобразный единый спектакль. Данный вариант балета был завершен, но возникли трудности в его постановке.

Поэтому я решил на основе первоначального замысла создать двухактную вещь, где попытаться как бы уйти от формы классического балета. Речь идет о реконструкции танцевальных действий, которые до сих пор существуют у таджиков. Мне хотелось возродить национальную хореографию на профессиональной сцене через глубокое осмысление народной музыки. И что также важно, хотелось вновь обратиться к «Шашмакому». Я старался как можно точнее идти от стилистики самого макма, от его мелодики, композиционных особенностей.

В таджикской профессиональной традиционной музыкальной культуре все жанры преимущественно синтетичны, то есть здесь в органичном единстве объединены поэзия, музыка и танец. И рассчитывать их не всегда правомерно. Необходимо учитывать данную традицию, поскольку она имеет уже сформировавшийся тип зрителя и слушателя. Подобный синтез я также попытался осуществить в новом балете.

А почему я связываю это с **Борбадом**? Если говорить о сюжете балета, то речь в нем, скорее, идет не о самом **Бор-**

лепно описанная **Фирдоуси** в «Шахнаме». Конечно, уже есть и проблемы — чрезвычайно сложно воссоздать музыкальный язык той эпохи. Но я думаю, что он как бы растворен в музыке иранского даггяха, таджикского шашмакома, азербайджанского мугама.

— Значит, речь идет о произведении, учитывающем особенности восприятия традиционной музыки. Насколько оправдана подобная ориентация?

— Оправдана, безусловно, иначе просто нельзя. Но, к сожалению, я не встречаю со стороны нашего симфонического оркестра и оперного театра особого энтузиазма. Мне кажется, что там люди не очень-то верят в то, что подобные произведения вообще нужны. А ведь, если публика не идет на спектакль, то надо идти к ней.

К примеру, «Маком Наво» написан мною почти десять лет назад в расчете на исполнение оркестром филармонии в сельских районах республики. Но сочинение, задуманное с определенной целью, не выполнило своей художественно-эстетической функции, поскольку так и не встретилось с той аудиторией, на которую прежде всего было рассчитано. Конечно, это произведение интересно также и для европейской аудитории. Оно, замечу, часто исполнялось за пределами республики и получило интересные отзывы в прессе. В общем, чтобы произведение действительно заметили, мало, чтобы оно просто творчески получилось как таковое. Необходимы дол-

если нет своих. У меня сложилось такое впечатление, что творческий коллектив нашего театра как-то мало заинтересован в постановке новых спектаклей, особенно национальных.

Примером сказанному могут служить последние гастроли театра в Ленинграде. Туда не был взят ни один таджикский спектакль, созданный за последние сорок лет, хотя такие имеются в репертуаре в достаточном количестве и качестве. Да, театр повез «Лейли и Меджнун» **С. Баласаяна**, написанный сорок лет назад. Это действительно прекрасный балет. Но ведь таджикские композиторы, наверное, что-то сделали новое за эти десятилетия. А может быть, нет? Кто ответит?

Не могу также понять, почему в Ленинграде не показали прекрасный спектакль **Талаба Саттарова** «Далекое голоса». Ленинградские зрители, убежденные, на новые работы таджикских композиторов обратили бы особое внимание, а для нас было бы поучительно оценить их впечатления от наших спектаклей.

— Как же сложилась судьба вашего балета?

— До конца года он должен пойти в Самаркандском театре оперы и балета. Но не теряю надежды, что и наш театр даст согласие на постановку. Безусловно, хотелось, чтобы первое исполнение прошло в Душанбе. Но пока «преимущество» за Самаркандом. Кстати, спектакль там будет осуществлен на таджикском языке, в рас-